

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-215-218

© О. А. Лекманов

О СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «ЧЕРНОЗЕМ»*

Чернозем

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...

В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней жидется работа —
Тысячехолмие распаханной молвы:
Знать, безокружное в окружности есть что-то.

И все-таки земля — проруха и обух.
Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай, —
Гниющей флейтою настраживает слух,
Кларнетом утренним зазывает ухо...

Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте!
Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаст...
Черноречивое молчание в работе.

Апрель 1935¹

Согласно воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, «вокруг „Чернозема“» «группировались» «все стихи» начального воронежского периода поэта.² Бросающаяся в глаза особенность стихотворения — в каждой строфе образы, связанные с землей, последовательно воплощаются через образы, связанные со звуками (речи или музыки), и через это, очевидно, с искусством и уже — с поэзией. В первой строфе земля образует хор; во второй — предстает в виде «распаханной молвы»; в третьей — в виде «гниющей флейты» и «кларнета»; четвертая, финальная строфа завершается упоминанием о «черноречивом молчании».

Как можно описать связь чернозема и поэзии в стихотворении? В чем она, по Мандельштаму, состоит? На эти два вопроса, как кажется, помогает ответить авторская оценка стихотворения, зафиксированная в письме его воронежского друга С. Б. Рудакова к жене: «„Чернозем“ — вещь реакционная: акмеистическая строфика с обновленной инструментровкой, вещь из „Камня“, источники — „Адмиралтейство“ etc.».³

Не затрагивая сейчас переключек «Чернозема» со стихотворением Мандельштама «Адмиралтейство» (о них в свое время интересно писал В. В. Мусатов),⁴ напомним, что первое издание книги поэта «Камень» (1913) завершается поэтическим манифестом акмеизма, стихотворением «Notre Dame» (1912), которое венчается такой строфой:

* Благодарю Р. Г. Лейбова, Д. М. Магомедову, А. С. Немзера и К. М. Поливанова за ценные замечания, высказанные при обсуждении этой работы.

¹ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 199.

² Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 250.

³ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 57.

⁴ Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 458–459.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...⁵

В стихотворениях периода «Камня» Мандельштам «создавал прекрасное» из слов как из камней (отсюда и название его первой книги). В Воронеже он собрался строить свою новую поэзию из слов как из «комочков влажных» «чернозема». Иначе говоря, перед нами манифест «нового акмеизма», в котором камень как строительный материал заменяется землей.

Исследователи уже писали, в том числе и в связи с «Черноземом», о тех значениях образа *земли*, которые актуализировались для Мандельштама в воронежской ссылке.⁶ Попробуем теперь рассмотреть, как поэт столкнул эти значения в разбираемом стихотворении при помощи «акмеистической строфики».

Если в «Notre Dame» две четные строфы были противопоставлены нечетным, знаком чего служил противительный союз «но» в зачине четных строф, в «Черноземе» третья строфа противопоставлена первой, второй и четвертой через конструкцию «И все-таки...» в начале этой строфы.

В первой, второй и четвертой строфах люди объединяются на земле для созидательного коллективного труда. А в третьей строфе сконцентрированы мотивы, связанные с темой беды, смерти и, соответственно, могильной земли. В первом стихе третьей строфы свернуты две зловещие идиомы — «И на старуху бывает *проруха*» и «как *обухом* по голове»;⁷ во втором стихе земля предстает в своей неумолимой, грозной ипостаси; в третьем и четвертом стихах возникает прямо намекающий на могилу мотив гниения, а также мотив холода («заябливает»)⁸. Не подразумевается ли в этих двух стихах похоронный оркестр?

Впрочем, благодаря словосочетанию «гниющей флейтой»⁹ даже устойчивый мотив разложения в земле, как представляется, превращается у Мандельштама в едва ли не позитивный, ведь из этого могильного гниения рождается музыка. Выразительную параллель (не подтекст!) к этому комплексу мотивов (рождение, которое невозможно без смерти и погребения, рождение, буквально вырастающее из смерти) содержит два стиха о смерти и возрождении *зерна* из знаменитого стихотворения Владислава Ходасевича «Путем зерна» (1917):

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.¹⁰

У Ходасевича дальше следует проекция пути зерна в земле на судьбу самого поэта:

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.¹¹

⁵ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 62.

⁶ См.: Vaines J. Mandelstam's later poetry. Cambridge, 1976. P. 112–115; Никитина Т. Формирование мифологемы «чернозем» в лирике О. Мандельштама 1908–1925 гг. // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 2001. Вып. 5. С. 106–110; Гаспаров Б. М. Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934–1937 // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 28–30.

⁷ Не названные, но как бы подразумевающиеся в этом стихе «старуха» и «топор», вероятно, указывают на роман Достоевского «Преступление и наказание», тема которого — воскресение личности после ее духовной смерти — соотносится с темой «Чернозема». Обратим внимание на то обстоятельство, что сцена с поцелуем «грязной земли» — одна из важнейших в романе Достоевского.

⁸ Ср.: Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 460.

⁹ Можно предположить, что упоминание о «флейте» в «Черноземе» должно было напомнить внимательному читателю о шекспировском «Гамлете». Тема «Гамлетовские мотивы у Мандельштама» еще ждет своего исследователя.

¹⁰ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 2009. Т. 1. С. 85.

¹¹ Там же.

Учитывая ситуацию Мандельштама апреля 1935 года (написание в 1933 году антисталинского стихотворения — арест — ожидание расстрела — мягкая ссылка с возможностью продолжать писать), наверное, биографическую проекцию будет уместно сделать и для возникающего в «Черноземе» и некоторых других воронежских стихотворениях соотношения мотивов погребения и возрождения из земли. Отметим, что тема воскрешения прямо обозначается в первом стихе отпочковавшегося от «Чернозема» мандельштамовского стихотворения, написанного в том же апреле 1935 года:

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте,
А небо, небо — твой Буонаротти...¹²

Возможно, что именно с темой смерти, совмещенной с темой рождения и воскрешения, связано упоминание о «земле и воле» в последнем стихе первой строфы. Еще Наталья Штемпель увидела здесь обыгрывание названия тайного революционного общества, чей съезд собрался в 1879 году в Воронеже.¹³ С одной стороны, в деятельности «Земли и воли» принимал активное участие и присутствовал на съезде в Воронеже А. И. Желябов — один из организаторов убийства Александра II, казненный за это в 1881 году, в том самом месяце, которым датирован «Чернозем». С другой стороны, главное политическое требование «Земли и воли» заключалось в передаче всей земли крестьянам в равных долях. То есть созидание и смерть, ради созидания на земле были тесно увязаны в сознании членов организации. Отметим также, что при распаде «Земли и воли» в том же 1879 году было образовано тайное общество «Черный передел», чье название значимо перекликается с названием и ключевыми мотивами разбираемого стихотворения Мандельштама.

В заключение скажем несколько слов про «обновленную инструментовку» «Чернозема», что даст нам возможность прояснить ряд конкретных образов этого стихотворения. Обращает на себя внимание обилие окказионализмов, которые встречаются последовательно, в каждой строфе, причем построены все эти окказионализмы по «хлебниковской модели». Именно Велимир Хлебников когда-то конструировал свои окказионализмы, объединяя в одно новое слово два похожие звучащих и уже существовавших до этого в языке и добываясь тем самым обогащения значений слов и экономии средств языка (вместо двух слов можно употребить одно). В статье «Наша основа» (1919) Хлебников иллюстрировал рассказ о своем способе строительства окказионализмов следующими примерами: «Если мы имеем пару таких слов, как *двор* и *твор*, и знаем о слове *дворяне*, мы можем построить слово *творяне* — творцы жизни. Или, если мы знаем слово *землероб*, мы можем создать слово *времяпахарь*, *времяроб*, т. е. назвать прямым словом людей, так же возделывающих свое время, как земледелец свою почву».¹⁴

Кажется очевидным, что в стихотворении «Чернозем» Мандельштам пошел как раз по этому пути. В первой строфе определения *переуважена* и *перечерна* сложены из слов *перепажана* + *уважена* + *унавожена* и *перепажана* + *черна*. Во второй строфе пространственная характеристика *тысячехолмие* не просто превращает в одно слово два (*тысяча холмов*), но, вероятно, вбирает в себя временную характеристику *тысячелетие*.¹⁵ В финале строфы эпитет *безокружное* складывается из употребленных в этой же строфе слов *безоружная* и *окружность*, а также, по-видимому, эпитета

¹² Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 198.

¹³ Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже // Новый мир. 1987. № 10. С. 207.

¹⁴ Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 626.

¹⁵ Ср. в позднейшем стихотворении Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937): «Все млаожавое его *тысячелетье*» (Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 309).

безграничное. В третьей строфе глагол *настраживает* складывается из глаголов *настраивает* + *настораживает*, а глагол *забывает* — из глагола *збнуть* + существительное *зблик* (кларнет играет зыбким утром и звучит для уха, как песня зыблика) + существительное *збь* (вспаханное поле). И наконец, в финальной, четвертой строфе стихотворения существительное *проворот* сложено из глагола *провернуть* + существительное *поворот*, а эпитет *черноречивое* образуется из освежения стертой метафоры *красноречивое молчание*, приложенной к перепаживанию *чернозема*.

Таким образом, акмеизм в разбираемом стихотворении срывается с футуризм, а происходит это сращение на плодородной воронежской почве.¹⁶

¹⁶ Отметим, что именно в воронежском журнале «Сирена» при посредничестве самого футуристического из акмеистов поэта — Владимира Нарбута в 1919 году был опубликован манифест Мандельштама «Утро акмеизма».

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-218-228

© Е. Е. Вахненко

ОЧЕРКИ IN MEMORIAM В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. М. РЕМИЗОВА: НОВОНАЙДЕННОЕ «ПОСЛАНИЕ» ПАРИЖСКОМУ НЕКРОПОЛЮ*

Тема памяти в творчестве Ремизова является смыслообразующим началом художественного повествования, в котором авторское «Я» максимально объективировано, а жизненный опыт представлен в контексте исторических и культурных событий. Она позволяет выделить в наследии писателя ряд произведений, по формальным признакам относящихся к литературной публицистике поминального характера, условно соответствующих жанру некролога и надгробного слова, а по сути, являющихся законченными художественными произведениями, разновидностью автобиографической прозы. В этих текстах субъективное начало превалирует над фактографическим, документальным описанием вех жизненного пути адресатов; они созданы в свободной манере (творческая рефлексия, размышления автора о литературе, рассуждения о личностном потенциале ушедших «спутников», ярко выраженное лирическое начало) и значительно отличаются от традиционных некрологов, в которых содержание обусловлено формой и ключевой идеей — донести до читателя весть о смерти человека, кратко и объективно осветить этапы биографии, определить его роль в социальной и культурной жизни.

Некролог и надгробное слово¹ как жанры официального дискурса ориентированы, прежде всего, на публичную демонстрацию скорби, но при этом не лишены субъективной эмоциональной окраски. Поскольку произведения Ремизова, соответствующие литературно-публицистической форме *In memoriam*, не поддаются строгой соотнесенности с традиционными мемориальными жанрами (насыщены глубоко личными переживаниями, размышлениями, оценками, лирическими отступлениями), для их описания в работе используются следующие определения: «памятное слово» (в значении речь, обращение), текст памяти и «мемориальный» очерк. Такие произведения, связанные с личной памятью, в творческом наследии Ремизова имеют осо-

* Публикация выполнена при поддержке РФФ (проект № 20-18-00007).

¹ Жанр траурной речи представлен Ремизовым надгробным словом, произнесенным на похоронах С. П. Ремизовой-Довгелло в мае 1943 года. См.: Грачева А. М. Алексей Ремизов: <Надгробное слово на похоронах С. П. Ремизовой-Довгелло> // Скрещения судеб / Literarische und kulturelle Beziehungen zwische Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov. Berlin et al., 2019. С. 545–549.